

живание исключительности и значимости избранной идеи, имеющее свои отличительные особенности (смысловые трансформации).

Библиографический список:

1. Антонян Ю. М. Одержимость идеей как мотив преступного поведения // Lex Russica. 2017. №8 (129). С. 147–161.
2. Бердяев Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине. <http://yro.narod.ru/bibliotheca/Berdiaev.htm> (дата обращения: 24.09.2018)
3. Ким В. В. Фанатизм между верой и разумом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1–2. С. 100–104.
4. Кузнецова М. Н. Особенности изображения религиозных фанатиков в различных видах литературы // ОНВ. 2002. №18. С. 46–50.
5. Магзумова Н. К., Бенчич С. Исследование отношения верующих людей к религиозному фанатизму // Вестник карагандинского университета. Серия «История. Философия». №2 (82). 2016. С. 126–131.
6. Мкрытычан А. А. Психологические характеристики формирования отношения к терроризму в обыденном сознании. URL:http://portalus.ru/modules/psychology/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1176729669&archive=1375266216&start_from=&ucat=&category=6 (дата обращения: 24.09.2018)
7. Омельчук Р. К. Онтология веры: личностные и социокультурные механизмы преемственности ценностей: дис. ... канд. филос. наук. Иркутск. 2011. 377 с.
8. Улупова Г. А. Терроризм как социальный феномен: дис. ... канд. филос. наук. Тверь. 2003. 169 с.
9. Яхьев М. Я. Религиозный фанатизм как социально-исторический феномен: автореф. ... дисс. канд. филос. наук. Махачкала. 2006. 48 с.
10. Kalmer M. The Many Faces of Fanaticism. Estonian National Defense College (ENDC) Proceedings. 2011. 14 (2). P. 29–55.
11. Thorne S., Bruner G. C. An exploratory investigation of the characteristics of consumer fanaticism // Qualitative Market Research: An International Journal. Vol. 9. Iss. 1. 2006. P. 51–72.

Вохмяков С. С.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КОНФУЦИАНСТВА И БУДДИЗМА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КИТАЯ И ЯПОНИИ

Аннотация. Статья посвящена разбору влияния конфуцианства и буддизма на традиции ведения политики в Китае и Японии, в ней проводится сопоставительный анализ этого влияния. Проанализирована история возникновения этих религий на территории государств, выяснены различные стороны взаимодействия конфуцианства и буддизма с государством на протяжении этого времени.

Ключевые слова: Китай, Япония, конфуцианство, буддизм, политические традиции, политика, история религии.

На сегодняшний день Япония и Китай являются двумя влиятельнейшими державами в Восточно-Азиатском регионе, таким образом, их взаимоотношения значительно влияют на глобальную экономику и политику, поэтому так актуально изучать их взаимоотношения с разных сторон. История их контактов имеет давние корни, уходящие в глубокую древность. Еще в I в. н.э. в китайских текстах зарегистрированы первые контакты этих двух цивилизаций. Далее в VII–X вв., в период господства династии Тан в Китае, японский народ вобрал в себя множество элементов китайской культуры, например иероглифическую письменность [1]. Однако между китайцами и японцами были и моменты вражды, история знает множество примеров набегов японских захватчиков на материк. Современная ситуация также неоднозначна. Сегодня между людьми все еще слышатся отголоски времен Второй Мировой Войны, во время которой японские солдаты совершали множество антигуманных преступлений над жителями Китая [5]. И, хотя торговля и экономическое взаимодействие между странами находятся на достаточно высоком уровне, состояние их политических отношений оставляет желать лучшего. Из-за этих преступлений китайцы до сих пор испытывают неприязнь по отношению к японцам.

Таким образом, длительная история взаимоотношений оставила отпечаток на обоих народах. Этот след настолько глубок, что не изучавший Восток человек Запада легко может перепутать эти две нации. Тем не менее, присутствуют как общие особенности, так и различия в их взглядах на окружающий мир. Среди всех этих особенностей стоит отдельно рассмотреть религию. В обеих странах есть традиционные религии, вобравшие в себя множество народных верований, то есть даосизм и синтоизм, однако существуют и общие: конфуцианство и буддизм, имеющие свои региональные отличия. И их влияние, так или иначе, можно заметить в отношениях между двумя странами.

В этой работе далее будет использоваться исторический метод, для того чтобы проследить отдельные проявления взаимодействия каждой религии с государством сквозь эпохи. Основой исследования станут исторические работы, политические документы, а также другие религиозные исследования, описывающие основные постулаты религии, дополнительно будет сделан общий сопоставительный анализ проявлений каждой религии в политических традициях обеих стран к настоящему моменту времени.

Конфуцианство. Степень влияния учения Кун Цзы (552–479 до н.э.) на этику и политику Китая, а затем и Японии, невозможно преувеличить. Конфуцианство зачастую не считается религией и не практикуется как религия, а представляется как этико-философское учение. Конфуцианство развивалось как набор этических и политических инструментов, набор правил, которые обращали внимание на сыновнее благочестие, уважение к старшим, социальные обязательства и правила вежливости, которые обещали создавать гуманистическое, рациональное и гармоничное государство, гармоничные семейные отношения и четкие стандарты взаимоотношениями между правителями, лордами, вассалами и простым народом, между старыми и молодыми, отцом и сыном, мужем и женой и т.д. На протяжении многих веков это превращалось в огромный набор моральных законов, служивших как основа построения государства и человеческих отношений.

Однако в XXI в. после свержения китайской монархии роль конфуцианства в политике стала permanently ослабевать. Во время продолжительной смуты на территории Китая многие политические деятели, такие как Сунь Ятсен, Юань Шикай, Чан Кайши старались использовать наследие Конфуция и его учеников для сплочения китайского народа, но никогда не выдвигали его учение как национальную идею, основу для построения государства. Низшей точкой упадка конфуцианства в Китае в новейшую эпоху можно считать период культурной революции. Мао Цзедун подверг Конфуция жесточайшей критике, хоть это и было фактически связано лишь с политикой в отношении Линь Бяо [1]. Современное состояние конфуцианства немного лучше, что связано с более мягкой политикой власти в его отношении. Тем не менее, Коммунистическая Партия Китая на сегодняшний день не признает за конфуцианскими идеалами руководящую роль в идеологии, уступая это место «коммунизму с китайской спецификой».

В Японии, как и ранее в Китае, конфуцианские идеалы также играли важную роль в развитии этической и политической философий. Особенно это было заметно в VII–X вв., когда конфуцианство и буддизм были привезены в Японию из Китая и Кореи. Принц Сётоку Тайши (547–622 н.э.) – первый великий покровитель конфуцианства и буддизма в Японии [3]. Он принял Конституцию из 17 статей, в которой идеалы конфуцианства и буддийской этики были признаны моральными основами молодой японской нации. Это веками служило японским образцом придворного этикета и правил приличия.

Однако, в отличие от Китая, на протяжении всей истории конфуцианства в Японии оно не играло доминирующую роль в политике государства. Японский народ заимствовал оригинальные конфуцианские догматы и творчески трансформировал их под свои нужды, таким образом, конфуцианство хоть и глубоко, но скрыто и косвенно влияло на политические традиции. Однако это влияние на протяжении всей истории относительно синтоизма было незначительным, даже в период «нового расцвета» конфуцианства (неоконфуцианства) в период Эдо. После Реставрации Мейдзи и двух мировых войн конфуцианство еще меньше непосредственно оказывает влияние на политику государства. Конфуция изучают в школах и университетах, но лишь как часть истории и культуры человечества [1].

Таким образом, и в Китае, и в Японии конфуцианство косвенно или прямо оказало значительное влияние на политические традиции. В этом отношении отдельно следует упомянуть «сыновью почтительность». Относительно взаимодействия власти и народа, этот конфуцианский принцип до сих пор соблюдается в обеих странах. В Китае, с сильной ролью Коммунистической партии Китая, железной рукой управляющей реформами общества, население в большинстве относительно легко принимает изменения. Во многом благодаря этой конфуцианской традиции преклонения перед властью. Японское понимание этого принципа ярче всего, по мнению автора статьи, можно увидеть в высочайшем статусе императора. Фактически император в Японии не имеет реальной власти, но его формальный статус, как символа японской нации, определен и никем не оспаривается. В некотором роде это связано с принципом «сыновей почтительности», обуславливающим священный характер отношения народа к императору, дополнительно закрепляя тем самым его синтоистское обожествление.

Буддизм. Различные легенды рассказывают о наличии буддизма на китайской земле уже в очень древние времена. Тем не менее, большинство ученых считают, что буддизм впервые появился в Китае в I в. н.э. во времена династии Хань через миссионеров из Индии [4]. Первоначально буддизм в Китае столкнулся с рядом трудностей в становлении. Концепция монашества и отвращение к социальным вопросам, казалось, противоречили давно установленным нормам и стандартам, установленным в китайском обществе. Некоторые даже заявляли, что буддизм вреден для государственной власти, что буддийские монастыри не способствовали экономическому процветанию Китая, что буддизм был варварским учением и не заслуживал распространения на китайской земле. В то же время, буддизм предстал как альтернативное учение конфуцианству и даосизму, что пришлось по вкусу некоторым оппозиционным представителям власти, таким образом, получив государственную поддержку на начальном этапе распространения. Далее буддизм становится все

более «китайским», вбирая в себя черты китайской культуры, становясь даже частично похожим на даосизм. Однако, и это не помогло на какое-нибудь долгое время закрепиться буддизму в качестве государственной религии в Китае. Среди основных факторов этого можно отметить иностранное происхождение буддизма, уход многих буддистов из общества и отказ от семейной жизни, а также образование сильных и устойчивых общин с большими накоплениями богатств при монастырях, что некоторые китайские правители рассматривали как угрозу своей власти. В частности император У-цзун династии Тан в 845 г. приказал уничтожить 4600 буддийских монастырей и 40 000 храмов. Более 400 000 буддийских монахов и монахинь в итоге стали простыми крестьянами [2]. Современное состояние буддизма в Китае несколько лучше. После начала применения «политики реформ и открытости» государство с энтузиазмом поощряет строительство новых буддийских храмов. Однако, само влияние буддизма на политику Китая и в настоящее время ничтожно мало.

Для Японии буддизм тоже не был родной религией. «Официальное» прибытие буддизма в Японию датируется 552 г. в Нихон Шоки, когда король Сонг из Бэкджи (западная Корея) отправил к императору Кинмэй миссию, в которую входили буддийские монахи или монахини. Они привезли с собой изображение Будды и несколько сутр [2]. Общее положение буддизма в Японии было лучше чем в Китае, японские правители относительно чаще оказывали покровительство этой религии. Более того здесь, с периода Хейян, шел активный процесс образования монастырей как центров профессиональной подготовки воинов и шпионов (сёхэй, синоби и т.д.). Таким образом, японским правителям нужно было считаться с этой достаточно могущественной силой. Но в период реставрации Мейдзи в 1868 г. новое правительство заняло сильную антибуддийскую позицию, и по всей стране возникло движение по искоренению буддизма и возвышению синтоизма из-за сильных связей буддизма с сегунами. И лишь после Второй мировой войны начался рост числа буддистов, однако это не связано с особенной поддержкой государства, которое большее покровительство оказывает синтоизму еще со времен реставрации Мейдзи. Это продолжается и по сей день, буддизм является второй по популярности религии после синтоизма, однако на само государство учение Будды влияет слабее, чем непосредственно на население [2].

Если попробовать конкретно рассмотреть влияние буддизма на политические традиции, то мы столкнемся с рядом сложностей. Это, в первую очередь связано с отношением буддизма к «жизни в миру». Тем не менее, есть в буддийском учении два элемента, которые могут влиять на саму политику государства: чакравартин и концепция дхармы. Чакравартин – это название правителя государства, который своей силой, доблестью и добродетелями искореняет хаос из страны, наводит порядок и восстанавливает справедливость. Как в Китае, так и в Японии этот образ хорошо соответствовал фигуре сильного правителя, традиционно уважаемой и почитаемой обеими странами еще с древних времен. И второй момент, чуть менее значимый для политики, – концепция кармы и воздаяния за поступки. Этот принцип определяет множество сфер жизни буддистов, и политика – не исключение. Достойное правление в соответствии с этим законом в теории позволяет достичь мира и процветания в стране. Но в действительности очень малое количество правителей в обеих странах старались вести свою политику в соответствии с этим законом.

Итак, и конфуцианство, и буддизм к настоящему моменту времени прямого влияния на политику государства не оказывают. Однако обе религии очень глубоко вплетены в политические традиции государств. В конфуцианстве это влияние — закрепление в сознании глубокого уважения народа к власти, и желание самой власти гуманно и достойно управлять народом, а со стороны буддизма — символ сильного правителя, а также концепция кармы и воздаяния. Все это в той или иной степени оказывает влияние на политику Китая и Японии и по сегодняшний день.

Библиографический список:

1. Переломов Л. С. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. — XXI в.). М. : Стильсервис, Институт Дальнего Востока РАН. 2009. 704 с.
2. История дзэн-буддизма. Индия и Китай. СПб. : ОРИС. 1994. 336 с.
3. История религии. В 2 т. Т. 2 / под общей ред. И. Н. Яблокова. М. : Высшая школа. 2004. 676 с.
4. Торчинов Е. А. Буддизм // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М. : Восточная литература, 2006. Т. 1. Философия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. С. 158–165.
5. История Востока. В 6 т. Т. 6 : Восток в новейший период (1945–2000 гг.) / гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков и др.; отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2008. 1097 с.